DOI: 10.17976/jpps/2015.01.06

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Г.В. Пушкарева

ПУШКАРЕВА Галина Викторовна, доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: pushkarjeva@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию: 08.09.2014. Принята к печати: 10.10.2014

Аннотация. Политическая реальность рассматривается как интерсубъективный мир политики, представляющий собой комплекс совместно разделяемых знаний о правилах политических взаимодействий и смысловых значениях политических действий, о сложившемся институциональном порядке и желаемых состояниях властных отношений. Раскрывается значение когнитивных механизмов, процессов формирования индивидуального знания о политике и восприятия политической информации в конструировании политической реальности.

Ключевые слова: политическая реальность, интерсубъективность, когнитивные механизмы, политические когнитивные структуры.

В последнее время на страницах отечественных научных изданий все чаще стало появляться понятие "виртуальная реальность" [Таратута 2007]. Одновременно ученые также заговорили о виртуализации различных сторон политической жизни [Алехина 2013; Васильковская 2012; Прилукова 2007]. Интерес к данной проблематике был вызван, во-первых, развитием средств массовой коммуникации и прежде всего Интернета, создавших широкие возможности для распространения в массовых аудиториях образов и значений, не имеющих корней в эмпирическом мире индивида. Именно "борьбу за власть посредством агитации с помощью *web*-страниц или пресс-конференций в Интернете и посредством рекламных акций в телестудии или на концертной площадке" некоторые авторы называют виртуальной политикой [Иванов 2000: 19].

Во-вторых, под влиянием постмодернизма [Бодрийяр] произошел подрыв веры в незыблемость принципов, созданных в науке позитивистской традицией. Идея о том, что социальный мир конституируется не столько объективными реалиями, сколько знаками, символами, обретающими самостоятельность, автономное существование, независимость от эмпирического референта, создавала благоприятную почву для поиска и обоснования симуляционной природы социальной и политической реальности. Причем некоторые авторы демонстрируют желание называть симулякрами практически все политические новообразования [Волков 2012].

Обращение к виртуальной политической реальности подразумевает существование "реальной" политической реальности, онтологический статус которой, как правило, не проблематизируется и принимается как сам собой разумеющийся, не требующий дополнительной интерпретации. В тех же работах, где ставится вопрос о содержании "реальной" политической реальности, последняя чаще всего становится синонимом объективного мира политики или политической среды, оказывающей воздействие на выбор индивидами моделей взаимодействия и на принятие ими политических решений [Бачинин б.г.].

В основе объективистского подхода к политической реальности лежит мощная позитивистская традиция в политологии, благодаря которой были созданы различные методологические инструменты исследования внешних для индивида политических образований – политических отношений, институтов, культурных паттернов, режимов, идеологий, мифов и т.д. Сформулированный Э. Дюркгеймом принцип необходимости изучения такого рода феноменов, как "вещи", надолго предопределил отношение ученых к социальной и политической реальности как автономной субстанции, обладающей собственными механизмами воспроизводства и развития.

Сомнения в незыблемости позитивистских принципов звучали многократно. Одни ученые, такие как М. Вебер, говорили о важности понимания смыслов действий людей, другие, как Ж. Бодрийяр, – о наступлении эры, где на смену объективной реальности приходит гиперреальность, наполненная симулякрами. Думается, в этой связи не случайны суждения о том, что "политическая реальность должна рассматриваться в ином ключе, чем это предписывает позитивистская научная парадигма" [Сморгунов 2012: 5].

Одним из способов преодоления объективистского взгляда на политическую реальность становится интерпретация ее как совокупности внешних по отношению к индивиду событий. "Событийное понимание политики, – пишет Л.В. Сморгунов, – связывает ее, прежде всего, с деятельностью и поступком, которые осуществляются в материальных и культурных условиях, но не являются однозначно определенными ими" [там же]. Такой подход в целом соответствует нашему интуитивному ощущению реальности, когда реальным мы считаем то, что можем наблюдать, воспринимать как происходящее в окружающем нас мире. Политическая реальность в этом случае интерпретируется как событийность, как то, что воплощено в действиях, в событиях, связанных со смысловым полем политики. Проблема состоит в том, что большинство людей не вовлечены в политические события, а представления об этих событиях формируются средствами массовой коммуникации. Поскольку изложение событий всегда связано с объяснениями смыслов действий участвующих в них людей, то любые нюансы медийной интерпретации начинают влиять на формирование знаний об этих событиях. И вопрос о том, что для людей становится более реальным, влияющим на их поведение – сами события или их смысловые интерпретации, – остается открытым.

Прояснение онтологического статуса политической реальности важно не только в связи с появлением в научной литературе дихотомии "виртуальное – реальное". От определения природы политической реальности зависит выбор исследовательского инструментария, методологических принципов научного теоретизирования, выявления пределов и возможностей познания политических феноменов. В данной статье предпринята попытка проблематизировать политическую реальность, выявить механизмы ее создания, функционирования и изменения. При этом мы оставляем за скобками продолжающуюся дискуссию о содержании политического. Нас будет интересовать не столько что есть политическое, сколько его природа, т.е. как политическое обретает свойства реального, сущего, данности, каковы механизмы его воспроизводства и изменения.

Реальным принято считать "бытие, независимое от нашей воли и желания" [Бергер, Лукман 1995: 9]. С одной стороны, это могут быть объекты природы

и материального мира, реальность которых подтверждается нашими органами чувств, мы можем их видеть, слышать, осязать, обонять, воспринимать как внешние, существующие помимо нас. С другой стороны, есть еще один вид феноменов, которые мы тоже воспринимаем как реальные, но их реальность для нас подтверждается не органами чувств, присущими нам как биологическим существам, а нашим знанием и сложившейся на его основе убежденностью в их существовании. К этой группе относятся все социальные феномены: нормы, правила, институты, мифологемы, общепринятые смысловые интерпретации действий других людей, культурные паттерны, ценностные максимы, научные суждения и т.д. Мы воспринимаем их как реальные, потому что верим в их существование, и эта вера основана на нашей убежденности в том, что другие тоже знают об их существовании и принимают их как данность. Многообразие этих феноменов составляет социальную реальность, представляющую собой огромный резервуар совместно разделяемых знаний о моделях поведения в обществе, о смыслах действий людей, о значении материальных объектов, о конструкциях социальных взаимодействий, о предпочтительных формах общественного устройства.

Представление о социальной реальности как продукте когнитивной, мыслительной деятельности множества людей возникает в рамках феноменологического подхода. А. Шюц писал: “Под понятием ‘социальная реальность’ я склонен понимать тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий” [Шюц 2004: 55]. Политическая реальность в рамках такого подхода предстает не как комплекс артефактов, имеющих свое собственное бытие в виде властных отношений, институтов государства, устойчивых элементов политической культуры и т.п., а как особая форма объективности, возникающая в непрерывных процессах коммуникации, экстернализирующих результаты когнитивной активности конкретных людей в конкретное историческое время.

Именно экстернализация, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, является главным условием создания объективного социального мира, поскольку ведет к возникновению в ходе конкретных взаимодействий устойчивых моделей поведения, доступных для наблюдения и понимания другими людьми. Коммуникация делает возможной объективацию создаваемого нормативного порядка и его последующую интернализацию, т.е. усвоение правил взаимодействий новыми поколениями [Бергер, Лукман 1995]. Таким образом, социальная реальность возникает, функционирует и развивается только благодаря способности людей создавать и накапливать знание о порядке, формах и смыслах взаимодействий, придавать этому знанию особую значимость и передавать его новым поколениям. Это свойство социальной реальности в соответствии с заложенной А. Шюцем традицией назовем интерсубъективностью. “С самого начала, – писал он, – мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором живем... как интерсубъективный мир, т.е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому...” [Шюц 1994: 485].

Политическая реальность формируется, функционирует и развивается так же, как интерсубъективная, как комплекс совместно разделяемых пред-

ставлений о правилах политических взаимодействий и смысловых значениях политических действий, о сложившемся институциональном порядке и желаемых состояниях властных отношений. Именно общность представлений формирует ощущение объективности политического мира: если все знают, что некий феномен существует (например, государство), то вряд ли стоит сомневаться в его реальности. Исторические, языковые, территориальные особенности формирования такого знания способствовали появлению уникальных форм политического, начиная от институционального порядка и завершая идеальными конструкциями, легитимирующими либо оспаривающими этот порядок. Таким образом, интерсубъективность политической реальности не означает утрату ею объективности, она лишь указывает на ее особое качество, отличное от объективности физических объектов.

Признание особой экзистенциональной сущности политической реальности требует внимательно отнестись к проблеме формирования, накопления, хранения политической информации в массовом сознании. В научной литературе в последнее время все больше внимания уделяется различным аспектам данной проблемы. Отметим, прежде всего, изучение политической коммуникации как способа передачи знаний о политике от одного человека к другому, как способа распространения политических смыслов и значений. Во-вторых, процесс усвоения политической информации новыми поколениями проблематизируется в рамках концепта "политическая социализация". В-третьих, исследователи проявляют особый интерес к изучению символического пространства политики, знаковых систем и их роли в конструировании политических отношений. В-четвертых, востребованным является изучение технологий информационного влияния в политике, нацеленных на внедрение в массовое сознание определенных ценностей, стереотипов, имиджей и т.п.

Наименее разработанным остается вопрос о психологических основах конструирования и функционирования политической реальности. Вряд ли кто будет допускать возможность существования политической реальности без людей, ее творящих и ею ведомых. Но при этом попытки проникнуть вглубь личностных процессов, лежащих в основе экстернализации, объективации и интернализации, остаются робкими. Эта робость является следствием ряда обстоятельств. Речь идет, во-первых, об указанной выше сильной позитивистской традиции, а также претензии политической науки на статус номотетической дисциплины, ориентированной на выявление универсальных тенденций, закономерностей развития политической реальности. Погружение в структуру отдельной личности, строго говоря, не укладывается в рамки данной традиции. Во-вторых, свою роль сыграла ориентация на классический бихевиористский постулат: изучать можно то, что наблюдаемо, что можно подвергнуть верификации, т.е. поведение, а не процессы сознания. Видимо, отсюда весьма скептическое отношение ряда политологов к политической психологии и к исследованиям массового политического сознания.

Однако если мы признаем интерсубъективный статус политической реальности, то неизбежным становится разворот к человеку, к исследованию таких его свойств и качеств, которые, с одной стороны, помогают ему объективировать свой опыт, а с другой – "распознавать" реальность, созданную другими людьми, ощущать ее объективность и выстраивать взаимодействия в соответствии с ограничениями, накладываемыми этой реальностью. На наш

взгляд, ключевую роль в приобщении человека к созданию политической реальности, в обеспечении его органичного вхождения в систему политических отношений играют мнемонические и когнитивные процессы. Именно в памяти человека "осаждается" опыт политических взаимодействий и другие виды информации о политических объектах, что делает возможным формирование совместно разделяемого знания о политике, т.е. политической реальности. Когнитивные процессы, в свою очередь, обеспечивают приращение этого знания, понимание действий других людей, распознавание политических ситуаций, способствуют формированию навыков ориентации в объективном политическом мире.

Совместно разделяемое знание как способ существования политической реальности возможно только потому, что в ходе политической социализации практически у каждого члена общества формируется определенная система политических представлений. Нам уже приходилось говорить о структуре политического знания современного человека, о когнитивных механизмах его формирования и обусловленности изменения индивидуальных представлений спецификой политической социализации [Пушкарева 2014]. В данном случае обратим внимание на то, что именно интериоризация политической информации, ее усвоение, запоминание позволяют человеку обрести частичку совместно разделяемого знания о политике и таким образом "подключиться" к политической реальности, ощутить ее данность и объективность.

Когнитивные структуры, хранящиеся в памяти индивида, многообразны, но тем не менее, на наш взгляд, можно выделить четыре их вида, каждый из которых является субъективной реконструкцией отдельных состояний сферы политических отношений. Несмотря на индивидуальный характер интериоризированного знания, именно это знание формирует представление человека о внешнем политическом мире и поддерживает у него ощущение реальности политического бытия.

Первый вид когнитивных структур – образы, т.е. запечатленные в нашей памяти конкретные объекты, имеющие физическую, биологическую основу (Кремль как комплекс зданий, В.В. Путин как человек, обладающий определенными чертами лица и телосложения). Специфика образов, отражающихся в нашем сознании, заключается в том, что они неизбежно подвергаются своеобразному окультуриванию, т.е. запоминаются с конкретными смысловыми значениями. Среди этих значений есть те, которые раскрывают политические свойства отраженного в памяти объекта. Кремль – резиденция президента, центр принятия государственных решений, символ власти. В.В. Путин – президент, главное лицо в российском государстве.

Значение политических образов в конструировании политической реальности заключается в том, что они в наиболее органичной форме соответствуют нашему повседневному представлению о реальности как о некоторых внешних объектах, обладающих материальной, физической оболочкой, которую мы способны различать с помощью органов чувств. Люди, которых мы наделяем некоторыми политическими свойствами, не только воспринимаются нами как внешние объекты, но своими действиями поддерживают у нас ощущение реальности политического бытия. Наблюдая на экране телевизора действия главы государства, других политических акторов, просматривая сводку политических событий в газете или на сайте в Интернете, участвуя

в политической акции, мы во всех этих случаях видим, что есть другие люди, вовлеченные в определенные отношения. И для нас реальными становятся не только эти люди, но и демонстрируемые ими ожидания, требования, обретающие характер нормативного поля, воспринимаемого как данность.

Итак, политические образы, как сложносоставные когнитивные структуры, включающие комплексы представлений об отдельных политических акторах и объектах, поддерживают у нас убежденность в том, что есть в обществе пространство отношений, формирующее у людей конкретные свойства и качества. Образы позволяют человеку распознавать участников политических процессов, связывать с их деятельностью свои ожидания, разделять их на своих и чужих, вступать с ними во взаимодействия и адекватно оценивать их поступки. В итоге политическая действительность, как комплексы действий, взаимодействий конкретных людей, становится наблюдаемым состоянием политической реальности, ее временным срезом, позволяющим зафиксировать специфику ее существования в конкретной ситуации.

Вторым видом когнитивных структур, формирующихся у современного человека в процессе политической социализации, являются обобщенные образы, т.е. представления, в которых аккумулируются суждения о некоторых типичных свойствах политических объектов. В отличие от образов, связанных с конкретными носителями приписываемых политических качеств, обобщенные образы являются интериоризированным знанием о некоторых классах явлений, например, о политических статусах и ролях, функциях политических организаций, целях и задачах политических институтов и т.д. Обобщенные образы никогда не аккумулируют все черты объектов, относящихся к данному классу, а лишь ту их часть, которая вбирает в себя наиболее типичное, распространенное. Именно к этому виду когнитивных структур относятся стереотипы – образы, возникающие в результате усвоения наиболее выпуклых черт того или иного класса явлений.

Обобщенные образы являются одним из способов объективации знания о моделях политического поведения, превращения этих моделей в устойчивые формы политических взаимодействий. Формирующиеся в процессе социализации однотипные представления о статусах и ролях в пространстве политических отношений порождают у людей уверенность в объективном характере статусно-ролевых требований, в реальности их существования. И, напротив, разноголосица в определении обобщенных образов оборачивается размыванием политической реальности. Если люди по-разному видят место и роль президента, депутата парламента, судьи, избирателя, налогоплательщика, то разрушаются основы политического институционального порядка, он утрачивает свою внешнюю принудительную силу. Таким образом, благодаря данному виду когнитивных структур у людей формируется знание о наличии нормативных требований к демонстрируемому поведению, понимание того, что принятие на себя политической роли будет налагать на выбираемые способы взаимодействия с другими людьми соответствующие ограничения.

Третий вид когниций – это сценарии, представляющие собой знание о свойствах типичных политических ситуаций. Например, сценарий “голосование на избирательном участке” предполагает знание о характере и последовательности действий потенциальных участников данного взаимодействия, возникающих в этой ситуации ролевых требованиях и нормативных огра-

ничениях. Этот вид когнитивных структур, как пишет Ж.Ф. Ришар, "определяет не свойства, собственно-присущие объекту, а контексты, в которых встречаются объекты и действия" [Ришар 1998: 36]. Сценарии политических ситуаций, хранящиеся в памяти человека, могут быть отражением его опыта, т.е. непосредственного участия в том или ином взаимодействии, событии, а могут формироваться под влиянием значимых коммуникаторов – СМИ, учителей, очевидцев событий, исторической литературы и т.д.

В сценариях "оживают" обобщенные образы, они взаимодействуют в соответствии с теми правилами и нормами, которые отложились в памяти человека. Конечно, человек помнит и о конкретных ситуациях, событиях, свидетелем которых он был. Однако именно способность человека вычленять в конкретной ситуации типическое делает возможным применение полученного опыта взаимодействия к каждой новой ситуации. Данный вид когнитивных структур формирует ощущение реальности нормативных требований, позволяет человеку более или менее адекватно реагировать на ожидания людей.

Таким образом, политические сценарии наряду с обобщенными образами есть общее, разделяемое другими людьми знание об институциональном политическом порядке, о требованиях, предъявляемых в обществе к людям, занимающим конкретные позиции в системе политических отношений. Эти когнитивные структуры поддерживают у индивида уверенность в реальности мира политических отношений, в наличии некоторых объективных ограничений, вторгающихся в его жизнь и заставляющих его выстраивать свое поведение с учетом норм и правил, обладающих внешней побудительной силой.

Политические образы, обобщенные образы, сценарии – все эти когнитивные структуры, хранящиеся в памяти человека, формируют у него фрагментарное знание о политической реальности: об отдельных акторах, отдельных статусно-ролевых требованиях, отдельных ситуациях. Однако человеку свойственно стремление к целостному, относительно непротиворечивому взгляду на окружающий мир. В основе этого стремления лежит естественная потребность организма снизить неопределенность окружающей среды, сделать ее более понятной и по возможности предсказуемой. Для этого нужно найти объяснение политического порядка, которое станет своеобразной точкой опоры человека в пространстве политических отношений, позволит ему принимать политический мир таким, какой он есть.

Функцию объяснения политического порядка выполняют три когнитивные конструкции: мифы, героизирующие правителей, идеологии, обосновывающие необходимость того или иного политического порядка, научные концепции, объясняющие функциональную целесообразность форм правления и политических режимов. Создаваемые выдающимися умами человечества, эти когнитивные конструкции объективировались посредством коммуникации, превращаясь в устойчивые представления, которые в ходе социализации передавались новому поколению. В итоге у каждого современного человека кроме знаний о нормативных порядках формируются когнитивные структуры, легитимирующие или оспаривающие эти нормативные порядки.

Эти когнитивные структуры, назовем их концептами, представляют собой четвертый вид интериоризированного знания о политике. Концепты помогают человеку соединять воедино знание о фрагментах нормативного политического порядка, объяснять процессы, происходящие в политической сфере,

строить предположения о перспективах развития политической системы, поддерживать ощущение целостности политического мира в условиях его изменения, нарастания неопределенности и непредсказуемости. Они выполняют роль "смысловых универсумов" [Бергер, Лукман 1995: 110], т.е. интегрируют субъективное знание о политике в целостные объяснительные конструкции, помогающие упорядочить представления о политических действиях и политических акторах. Например, смысловой универсум "государство" позволяет интегрировать разрозненные политические действия в конструкт, объясняющий сложную сеть властных отношений в обществе, смысловой универсум "демократия" дает возможность объяснить особенности институционального политического порядка.

Среди концептов мифы представляют собой наиболее простой способ объяснения политического, доступный для понимания даже теми, кто не искушен в политике и не обладает специальными знаниями в этой области. Миф наиболее органично связан с повседневным опытом индивида, рождающим схемы объяснения мироустройства, не требующие особых когнитивных усилий. По этой причине мифы легко усваиваются и настолько глубоко оседают в памяти, что обретают архетипические свойства, т.е. формируют базовые модели восприятия мира политики. Мифы помогают человеку найти оправдание насилию со стороны властей и своему положению в системе политических отношений, благодаря мифам он может верить в неизбежность подчинения лидеру-герою и снимать с себя ответственность за все происходящее в политической сфере.

Концепты-идеологии являются когнитивными комплексами, обеспечивающими ценностную легитимацию политического порядка. Этот вид знания отличается внутренней убежденностью в возможности существования некоторых эталонных форм политического бытия – демократии, правового государства, социальной справедливости, свободы личности, равенства граждан и т.д. Усвоенные ценности делают человека чувствительным к определенным видам действий политических акторов. Он может болезненно воспринимать ущемление прав человека, с энтузиазмом относиться к расширению государственного регулирования экономикой, поддерживать политику по укреплению национального суверенитета. Независимо от своей направленности ценностный выбор поддерживает уверенность индивида в существовании объективного политического мира, поскольку побуждает, с одной стороны, к рациональной оценке действий людей, вовлеченных в политические события, а с другой – воздействует на эмоциональную систему личности, вызывает чувство сопричастности с теми, кто разделяет этот выбор, и чувство отчуждения, вражды к тем, кто этот ценностный выбор не принимает. Переживание политических событий и оценивание действий их участников подкрепляет ощущение реальности политического мира даже тогда, когда об этих событиях человек узнает только с экрана телевизора.

Концепты в наименьшей степени связаны с образами конкретных людей, реальность которых может быть подтверждена нашими органами чувств. Это – абстракции, помогающие человеку объяснять объективированный мир политики, повышать значимость тех или иных политических отношений, легитимизировать нормативные порядки, формировать смыслы действий политических акторов, оценивать политические события и процессы.

У абсолютного большинства людей концептуальное знание формируется не в результате индивидуальной творческой работы, а представляет собой привнесенные извне готовые формулы, почерпнутые из разных источников – от родителей, педагогов, из школьных и вузовских учебников, из СМИ, научной литературы и т.п. Находясь под влиянием значимых коммуникаторов, человек не только усваивает мифологические конструкции, ценностные суждения, теоретические экспликации, но он обретает веру в их непреложность и истинность. Именно эта вера, возникающая в результате неосознаваемого стремления сделать окружающий мир более понятным, объяснимым, поддерживает у человека ощущение реальности того политического бытия, которое он моделирует в своем сознании.

Чем большим запасом политических когнитивных структур обладает человек, тем сложнее ему представляется политическая реальность. Если его знание о политических акторах ограничено первыми лицами государства, то на политической сцене он не будет видеть других участников политических взаимодействий, например, лидеров оппозиции. Последние выпадают из его субъективного восприятия реальности, они как бы не существуют, а, следовательно, и сам человек оказывается вне зоны их влияния. Скудная система обобщенных образов и сценариев порождает невосприимчивость человека к требованиям статусно-ролевых взаимодействий, он вынужден реагировать на ожидания людей не специфическим, присущим политическому нормативному порядку, образом, а использовать более общие когнитивные структуры для интерпретации ожиданий в конкретной ситуации.

Различия между людьми по уровню когнитивной сложности системы знаний о политике неизбежны. Одни из них, находясь в гуще политических событий, в центре процессов принятия политических решений, усваивают более разнообразную информацию о политических ролях, принятие которых становится необходимым условиям их участия в политических процессах. У других политические образы, сценарии формируются от случая к случаю и представляют собой крайне упрощенные когнитивные схемы. Кто-то обладает глубоким концептуальным знанием, способностью создавать сложные теоретические конструкции, объясняющие взаимосвязи политических объектов, логику причинно-следственных связей между политическими событиями. А кто-то предпочитает полагаться на ранее усвоенные мифологемы, не подвергая их критическому переосмыслению.

В этой связи встает вопрос: как в условиях индивидуального многообразия представлений о политике достигается их согласованность, не только формирующая субъективную уверенность в том, что политика реальна, но и делающая возможным выстраивание политических взаимодействий с учетом этой реальности? Найти ответ на этот вопрос невозможно без обращения к такому универсальному инструменту конструирования социальной реальности, каким является язык. П. Бергер и Н. Лукман писали: “Язык объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания” [там же: 114-115].

Вся социальная информация хранится в памяти человека в закодированном виде. Если физический объект, лицо конкретного индивида, его мимика и жесты могут отражаться в психике непосредственно, благодаря, например,

зрительной перцепции, то смыслы наблюдаемых объектов, интерпретации намерений других людей, нормы институционального порядка, ценностные максимы требуют особой системы архивации знаний в виде знаков, условных обозначений, языка. Как отмечал А. Шюц, мир природы "ничего 'не значит' ни для молекул, ни для атомов, ни для электронов". В то время как мир социальный состоит из "мыслительных конструктов", созданных действующими людьми и превратившихся в силу, определяющую их поведение [Шюц 2004: 61]. Язык становится инструментом создания "мыслительных конструктов" и способом их существования. Он помогает человеку постигать формы политических взаимодействий, не представленные в его опыте, усваивать модели политического поведения, одобряемые в обществе. Язык, по мнению П. Бергера и Н. Лукмана, позволяет конструировать феномены, крайне абстрагированные от повседневного опыта, и "превращать" их в объективно существующие элементы повседневной жизни, он является "объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям" [Бергер, Лукман 1995: 66-67, 77].

Осваивая язык, созданные предшествующими поколениями понятия, раскрывающие многообразные стороны политического бытия, человек не просто приобщается к знанию о политике, он конструирует для себя политический мир, "входит" в этот мир, начинает ощущать его внешнюю принудительную силу. Благодаря языку реализуется способность наделять действия людей политическими смыслами, понимать институциональные ограничения, различать политические события и оценивать степень своей зависимости от сложившейся системы власти. Через язык формируется, таким образом, ощущение реальности политического бытия. Как писал М. Кастельс, "не существует разделения между реальностью и символическим отображением. Во всех обществах человечество существовало в символической среде и действовало через нее" [Кастельс 2000: 351].

Таким образом, политика предстает перед человеком как реальность по мере усвоения им понятий и символов с принятыми в данной культуре значениями. Описанные выше политические когнитивные структуры личности представляют собой не что иное, как вербализованные в процессе мышления и коммуникации смысловые блоки знания о политике. Таким образом, язык обеспечивает "материализацию" феноменов политической реальности, для нас существующим в политической жизни становится то, что поименовано, обозначено, наделено смыслом с помощью вербальных и символических конструкций.

Переживание реальности через символы (М. Кастельс) фактически стирает грань между ее виртуальным и "реальным" содержанием. Политическая реальность виртуальна в том плане, что она является пространством смыслов и значений, конструированием которых занимаются различные политические акторы. Если изначально символическая природа политической реальности возникала как стремление с помощью слов и символов закрепить знание о складывающихся практиках властных взаимодействий, то в настоящее время процесс конструирования политической реальности все больше смещается к обратной логике. Способность человека мысленно проектировать политические объекты позволяет ему объективировать виды политических

взаимодействий, не укорененные в политическом опыте. С помощью языка ему удается выразить свои интенции в понятных лексических формах, а благодаря современным средствам коммуникации – убедить других в правомерности внедрения нововведений в ткань политических отношений. Таким образом, конструирование политической реальности становится не столько объективацией повторяющихся политических практик, сколько процессом конструирования смыслов, подталкивающих людей к выбору той или иной модели поведения.

В этой связи встает вопрос, насколько люди чувствительны к новым, не укорененным в их опыте смыслам. Готовы ли они воспринимать имиджи и мифологемы, создаваемые с определенными политическими целями, как отражение реальности? Насколько подвержены они информационному влиянию и насколько быстро могут поменять свои представления об объективированном мире политических отношений? На наш взгляд, ответить на эти вопросы можно только путем изучения когнитивных процессов, переживаемых индивидом всякий раз, когда он сталкивается с информацией, поступающей из внешней среды. Сами по себе когнитивные процессы индивидуальны, но в агрегированном виде они способны как обеспечивать устойчивость политических отношений в обществе, так и провоцировать серьезные изменения в политической реальности.

Проблема устойчивости/изменчивости политической реальности находится в фокусе внимания исследователей, изучающих трансформации политических режимов, демократические транзиты, переходные общества, эволюцию политических систем и революционное обновление власти. Научный поиск идет главным образом по пути расширения круга факторов, способных оказать воздействие на ход политических изменений, и выявление соответствующих зависимостей. Так, установлены зависимости между типом политической культуры и характером политических преобразований, между доминирующими в массовом сознании стереотипами (архетипами, ценностными ориентациями) и восприимчивостью общества к процессам политической модернизации и т.д. Однако факторный анализ позволяет зафиксировать лишь наличие взаимосвязи выделенного параметра и соответствующего политического изменения, но механизм, обеспечивающий проявление соответствующей зависимости, остается непроясненным.

На наш взгляд, главным связующим звеном между факторами и изменениями являются конкретные люди, их перцептивная, когнитивная активность. Чтобы произошла имплементация нововведений, необходимо, чтобы люди, вовлекаемые в процесс изменения политической реальности, сконцентрировали свое внимание на определенных видах информации, “переработали” ее соответствующим образом, приняли ее как данность и в конечном итоге объективировали, убедили себя и других в появлении новой реальности. Таким образом, чтобы произошло изменение в нормативном политическом порядке, необходимо, чтобы люди, от действий которых зависит воспроизводство этого изменения, усвоили его содержание, поверили в его объективность и неизбежность. Чтобы имидж политика воспринимался как реальный, требуется побудить людей к такой интерпретации информации об этом политике, которая соответствовала бы основным имиджевым характеристикам. И вот здесь встает вопрос о когнитивных механизмах, обеспечивающих способность

человека "видеть" объекты политической реальности, различать политические ситуации, быть чувствительным к призывам одних политических акторов и глухим к обращениям других.

Ощущение реальности политического бытия индивид получает под влиянием внешней информации, когда ему рассказывают о политическом событии, когда он наблюдает за действиями политических акторов, читает тексты и т.д. Получение информации из окружающей среды активирует когнитивные процессы, обеспечивающие "настройку" человека на интерпретацию внешних стимулов, на формирование представлений о конкретной ситуации.

Мы уже отмечали, что объекты интерсубъективной политической реальности требуют механизмов перцепции, отличных от тех, которые люди используют для восприятия физических объектов. Человек видит стоящее дерево, слышит шум листвы, вдыхает свежий запах, он может потрогать дерево и попробовать на вкус плоды. Органы чувств помогают человеку распознавать близость других людей, ощущать исходящую от них угрозу или доброжелательность. Для восприятия политических объектов, нормативного политического порядка, смыслов действий политических акторов человеку не достаточно естественной способности психики отражать внешние объекты, обладающие физической оболочкой.

Чтобы идентифицировать политическое содержание внешней реальности, человек должен обладать хотя бы минимальным запасом знаний о политике, поскольку восприятие социальных и политических явлений основывается на категоризации, когнитивном процессе, обеспечивающем узнавание/неузнавание объекта, наделение смыслом действий политических акторов, интерпретацию ситуации и т.п. Содержание этого процесса заключается в том, что психика человека соотносит любую зацепленную вниманием информацию с уже хранящимися в памяти когнитивными структурами, или категориями. И мы узнаем политические объекты только потому, что у нас есть некоторый запас знаний об объектах такого рода. Кроме того, мы слабо восприимчивы к тому, что противоречит нашим убеждениям. Когнитивный диссонанс, возникающий всякий раз, когда человек сталкивается с информацией, противоречащей сложившимся у него установкам, ценностям, стереотипам, мифологемам, преодолевается, как показано в многочисленных психологических экспериментах, в основном путем игнорирования новой информации или принижения ее значимости [подробнее см. Пушкарева 2014].

Психологические механизмы социальной перцепции устроены таким образом, что человек на мир сегодняшний смотрит через призму знания, сформировавшегося вчера, через призму отложившихся в его памяти когнитивных структур. Выход за пределы опыта, усвоенного знания требует от него дополнительных когнитивных усилий, на которые человек идет только в ситуациях, затрагивающих непосредственно либо его интересы, либо его ценности. Следствием неосознаваемой приверженности каждого человека сложившимся у него установкам и ценностям является инерционность политической реальности.

Инерционность – это оборотная сторона объективации, возникновения политической реальности как совместно разделяемого знания о политике. С одной стороны, политическая реальность возможна лишь при условии устойчивости когнитивных структур, формирующих общую систему пред-

ставлений о мире политических отношений. С другой – интериоризированные когнитивные структуры начинают формировать мощный перцептивный экран, отражающий то, что противоречит сложившимся ранее стереотипам, мифологемам, ценностным суждениям и т.п. Трудности обновления, реформирования политической системы определяются, прежде всего, спецификой когнитивной реакции многих людей на все новое, не укладывающееся в привычные рамки представлений о политическом порядке.

Политическая реальность для индивида является мерцающей, она актуализируется в его сознании эпизодически. Иными словами, человек не постоянно ощущает внешнее воздействие нормативных требований политического институционального порядка, сопричастность к политическим событиям, сложную гамму чувств в отношении политических акторов, а лишь в ситуациях, которые он идентифицирует как требующие от него реагирования на возникшие стимулы. Таким образом, реальность политического мира для человека воспроизводится при помощи когнитивных механизмов, которые обеспечивают распознавание информации, продуцируемой во внешней среде.

Мерцание не является признаком слабости политической реальности, незначительности ее принудительной объективной силы. Как только происходит актуализация в сознании политических образов, других когнитивных структур, содержащих знание о правилах и нормах политических взаимодействий, мотивационная сфера получает достаточно сильные импульсы, побуждающие индивида к выбору той или иной модели политического поведения.

Развитие средств массовой коммуникации, и особенно Интернета, ведет к появлению серьезных вызовов в развитии политической реальности. Процесс конструирования политических смыслов и значений мультиплицируется, становится более сложным, противоречивым и одновременно крайне интенсивным. Формируется информационная среда, из которой человек может черпать политические знания без непосредственного включения в соответствующие события и взаимодействия. Потоки политической информации буквально обрушиваются на современного человека, навязывают ему разные образы одного и того же политика, предлагают взаимоисключающие интерпретации одного и того же события, убеждают в необходимости ориентации на различные системы политических ценностей, дают неоднозначные оценки политического режима в стране, где он живет, и т.д. В этом многоголосье возникает реальная угроза целостности и устойчивости политической реальности как интерсубъективного мира, как совместно разделяемого знания о политическом порядке. Находясь под влиянием разных коммуникаторов, разных агентов политической социализации, люди неизбежно начинают по-разному “видеть” политические события, нормативные требования, смыслы действий политических акторов, что чревато фрагментацией политической реальности и утратой ею объективирующей силы, нарастанием нестабильности, ослаблением политических институтов.

Государство всегда брало на себя функцию “хранителя” политической реальности. Оно не только создавало и защищало правовые нормы, регулирующие политические отношения в обществе, но и выступало в роли пропагандиста и агитатора соответствующего политического порядка и легитимирующих его мифологических и ценностно-идеологических конструкций. Государственный контроль над процессами политической социализации

в школе, активная политика в информационном пространстве – таковы лишь некоторые из способов поддержания совместно разделяемого знания о политике у членов общества.

Конечно, во все эпохи были те, кто вольнодумствовал, предлагал новые ценностные ориентиры и ставил под сомнение сложившуюся политическую институциональную систему. Время от времени их идеи начинали будоражить умы, неся серьезную угрозу политической реальности, усиливая ее фрагментарность и размывая главную основу ее существования – веру в ее незыблемость и объективность. Когда то, что раньше казалось привычным, реальным, начинает подвергаться сомнению, то нормы и правила, ранее безоговорочно принимаемые в ходе политических взаимодействий, перестают рассматриваться как обязательные, а смыслы, оправдывавшие еще недавно действия властей, утрачивают свою ценность. Разрушается фундамент политической реальности – совместно разделяемое знание о принципах и нормах институциональных взаимодействий. Каждый человек или отдельные группы начинают "жить" в своих политических реальностях, множа и усиливая взаимное недоверие, подозрительность и конфликтность в обществе.

Признание того, что политическая реальность обладает особым онтологическим статусом, который имеет интерсубъективную природу и воссоздается с помощью когнитивных процессов, влияющих на мотивацию и реальное поведение людей, требует совершенствования методологического инструментария ее исследования. Исследовательский ракурс должен все больше смещаться в сторону изучения реальных действий и практик, а также психологических механизмов восприятия политической информации, ее интериоризации, усвоения и воздействия на мотивацию. Если поворот к изучению реальных практик уже произошел, о чем наглядно, в частности, свидетельствует эволюция от классического институционализма к неоинституционализму, то шаги в исследовании когнитивных процессов, лежащих в основе конструирования политической реальности, еще представляются недостаточными.

Алехина А.Ю. 2013. Политическая реклама как проявление виртуальной реальности. – *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. № 3. С. 73-79.

Бачинин В. Б.г. Политическая реальность – сфера действия Бога и людей. – *Русский Архипелаг. Сетевой проект "Русского мира"*. Доступ: http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1507 (проверено 1.09.2014)

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум. 323 с.

Бодрийяр Ж. 2013. *Симулякры и симуляция*. Тула: Тульский полиграфист. 204 с.

Васильковская Д.М. 2012. Мир имиджей как политическая реальность. – *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 3. С. 172-176.

Волков В.Н. 2012. Симулякр в политической жизни современной России. – *Вестник Казанского университета культуры и искусств*. № 4. С.73-78.

Иванов Д.В. 2000. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское Востоковедение. 96 с.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. М.: ГУ-ВШЭ. 458 с.

Прилукова Е.Г. 2007. Политический мир как виртуальная реальность. – *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. № 24 (96). С. 83-84.

Пушкарева Г.В. 2014. *Homo politicus: человек политический*. М.: АРГАМАК-МЕДИА. 336 с.

Ришар Ж.Ф. 1998. *Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений*. М.: Изд-во "Институт психологии РАН". 232 с.

Сморгунов Л.В. 2012. О событийности политики и политической реальности. – *ПОЛИТЭКС*. Т. 8. № 4. Доступ: http://www.politex.info/content/view/961/30/ (проверено 1.09.2014).

Таратута Е.Е. 2007. *Философия виртуальной реальности*. СПб.: СПГУ. 147 с.

Шюц А. 1994. Формирование понятия и теории в общественных науках. – *Американская социологическая мысль: Тексты*. М.: Изд-во МГУ. 496 с.

Шюц А. 2004. Формирование понятия и теории в социальных науках. – Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН. 1056 с.

DOI: 10.17976/jpps/2015.01.06

COGNITIVE MECHANISMS OF POLITICAL REALITY CONSTRUCTION

G.V. Pushkareva[1]

[1]*M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

PUSHKAREVA Galina Viktorovna, Dr. Sci. (Pol. Sci), Professor, Political Analysis Department, M.V. Lomonosov Moscow State University. Email: pushkarjeva@spa.msu.ru

Received: 08.09.2014. Accepted: 10.10.2014

Abstract. In accordance with methodological principles of sociology of knowledge, construction of political reality may be considered as a process of general political knowledge formation. The politics gains reality properties for an individual soon as he learns concepts and symbols, used in the society's culture to identify specific sphere of political relations. This provides grounds to interpret political reality as symbolic and intersubjective, that is existing only due to human ability to create jointly shared systems of knowledge about authoritative relations in the society by means of signs and symbolic constructions. The paper analyzes cognitive mechanisms creating commonly shared beliefs, values and ideas of political institutional orders. The paper explores the impact of these cognitive mechanisms in shaping and constructing political reality.

Keywords: political reality; intersubjectivity; cognitive mechanisms; political cognitive structures.

References

Alekhina A. Political Advertising as a Manifestation of a Virtual Reality. – *Bulletin of the University of Perm. Series: Politics*. 2013. No. 3. P. 73-79. (In Russ.)

Bachinin V. The Political Reality – The Scope of God And Man. – *Russian Archipelago*. URL: http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1507 (accessed 1.09.2014). (In Russ.)

Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. (Russ. ed.: Berger P. L., Luckmann T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium. 1995. 323 p.).

Baudrillard J. Simulacra and simulation. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Simuljakry i simuljacija*. Tula: Tula Polygraphist. 2013. 204 p.)

Vasilkovskaya D.M. World Image as a Political Reality. – *Bulletin of the University of Tomsk. Series: Philosophy. Sociology. Political Science*. 2012. No. 3. P. 172-176. (In Russ.)

Volkov V.N. Simulacrum in The Political Life Of Modern Russia. – *Bulletin of the University of Kazan*. 2012. No. 4. P. 73-78. (In Russ.)

Ivanov D.V. *Virtualizacija obshhestva* [Virtualization Of Society]. St. Petersburg: Vostokovedeniye. 2000. 96 p.

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture (Russ. ed.: Castells M. *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo, kul'tura*. Moscow: HSE. 2000. 458 p.)

Prilukova Ye.G. Political World As A Virtual Reality. – *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences And Humanities.* 2007. No. 24 (96). P. 83-84. (In Russ.)

Pushkareva G.V. *Homo politicus: chelovek politicheskij* [Homo Politicus: Political Man]. Moscow: Argamak-Media. 2014. 336 p.

Rishar J.F. *Mental'naja aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nahozhdenie reshenij* [Mental Activity. Understanding, Reasoning, Finding Solutions]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ. 1998. 232 p.

Smorgunov L.V. About Eventness Policy And Political Reality. – *Political Expertise Journal*. 2012. Vol. 8. No. 4. URL: http://www.politex.info/content/view/961/30/ (accessed 1.09.2014). (In Russ.)

Taratuta Ye.Ye. *Filosofija virtual'noj real'nosti* [The Philosophy Of Virtual Reality]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ. 2007. 147 p.

Schütz A. Concept and Theory Formation in the Social Sciences. (Russ. ed.: Schütz A. Formirovanie ponjatija i teorii v obshhestvennyh naukah. – *Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty*. Moscow: MSU Publ. 1994. 496 p.)

Schütz A. Concept and Theory Formation in the Social Sciences. (Russ. ed.: Schütz A. Formirovanie ponjatija i teorii v social'nyh naukah. – Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom*. Moscow: ROSSPEN. 2004. 1056 p.)